

Г. Н. Ульянова

**«ПРОТИВ СМРАДА, ЗЛОВОНΙΑ И ПОРЧИ ВОДЫ»:
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В ОТНОШЕНИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МОСКВЫ В 1840–1850-е гг.**

doi: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-17-25

УДК 94(47+57-25)“1840/1850”

ББК 63.3(2-2Москва)5

В истории российской промышленности 1840-е и 1850-е гг. рассматриваются как начальный этап промышленной революции. Москва в этот период лидировала по числу предприятий и объему продукции. Одним из актуальных аспектов экономической политики являлся вопрос о регулировании санитарных норм и снижении вредных последствий промышленного производства, особенно отравления рек промышленными сточными водами. В статье рассмотрена история подготовки закона «О ограничении числа фабрик и заводов, вновь учреждаемых в Москве и уезде ее», принятого 28 июня 1849 г. Дебаты по проекту закона выявили разные позиции генерал-губернатора Москвы А. А. Закревского, министра финансов Ф. П. Вронченко и министра внутренних дел Л. А. Перовского, что отразилось в их деловой переписке. В ходе дискуссии выявилось противоречие между желанием развивать промышленное предпринимательство, которое отстаивали оба министра, в особенности отвечавший за экономику страны министр финансов, и необходимостью улучшения экологической ситуации в столице, за которое ратовал генерал-губернатор. Показано, что изначально жесткая позиция А. А. Закревского после общения с министрами смягчилась, и закон содержал уже компромиссные положения. При подготовке исследования введены в оборот новые архивные материалы о состоянии промышленных стоков Москвы, загрязнявших городские водоемы, о предприятиях, сильнее всего ухудшавших санитарную обстановку, о наличии очистных приспособлений, а также об отношении фабрикантов к введенным законом санитарным требованиям.

Ключевые слова: *Российская империя, XIX в., предпринимательство, промышленность, индустриализация, загрязнение рек, промышленные сточные воды*

Промышленность Москвы во второй четверти XIX в. росла стремительными темпами. В 1843 г. в Первопрестольной насчитывалось 787 предприятий (вместе с уездом), в 1853 г. — уже 939.¹ Московская губерния (по данным за 1856 г.) лидировала по стоимости произведенной продукции, вырабатывая 17,3 % от общероссийского объема (39 млн руб. от 224,3 млн руб.).² Однако развитие частной промышленности не только обеспечивало население необходимыми товарами, но и наносило вред окружающей среде. Серьезной проблемой становились, в частности, промышленные стоки в Москву-реку, Яузу и их притоки. Горожан беспокоило не только загрязнение воды, но и ухудшение воздуха в местностях, где располагались фабрики.

Процесс индустриализации сопровождался коллизиями в законотворчестве, возникали

противоречия и противостояния как между различными ведомствами, так и между чиновниками и владельцами фабрик. Большой резонанс имела история принятия закона от 28 июня 1849 г. «О ограничении числа фабрик и заводов, вновь учреждаемых в Москве и уезде ее». В дебаты по этому вопросу были вовлечены император Николай I, военный генерал-губернатор Москвы А. А. Закревский, министр финансов Ф. П. Вронченко, министр внутренних дел Л. А. Перовский, московский обер-полицмейстер И. Д. Лужин, сотрудники инженерных служб. Заинтересованными лицами оказались также московские фабриканты и чиновники разных рангов.

В статье рассмотрен вопрос о регулировании санитарных требований и экологической безопасности промышленности Москвы в начальный период промышленной революции в 1840–1850-е гг., обсуждение которого вызвало неоднозначную реакцию со стороны чиновников и предпринимателей.

Фабричное законодательство дореформенной эпохи неоднократно привлекало внимание исследователей. Важное место в историографии темы заслуженно занимает монография

¹ См.: Самойлов Л. Атлас промышленности Московской губернии. М., 1845; Тарасов С. Статистическое обозрение промышленности Московской губернии. М., 1856. С. 9.

² См.: Статистические таблицы Российской Империи за 1856 г. СПб., 1858. С. 275, 276.

Ю. Я. Рыбакова, в которой рассматриваются как утвержденные, так и отклоненные и непринятые законоположения.³ Законодательству о рабочих были посвящены исследования Б. Н. Казанцева,⁴ промышленной политике — труд Н. С. Киняпиной,⁵ промышленному надзору в XIX в., в пореформенный период — работы А. Ю. Володина и Е. Г. Неклюдова.⁶

О «трояственном противостоянии» Закревского, Вронченко и Перовского при подготовке закона от 28 июня 1849 г. кратко сообщали в своих трудах М. И. Туган-Барановский, Н. Н. Фирсов, Ю. Я. Рыбаков, упоминал о нем и Н. П. Ерошкин.⁷ Однако акцент ими делался исключительно на аспекте отношения царской бюрократии к рабочим. Вопросам санитарной обстановки и экологии в связи с развитием промышленности в Москве историки пока уделили мало внимания. Наибольший интерес представляют работы А. Н. Давыдова, затрагивавшие историю загрязнения воздуха и воды фабриками, а также историю московского водоснабжения в XIX — начале XX в.⁸

Регуляция функционирования фабрик в первой половине XIX в. касалась прежде всего их санитарной и пожарной безопасности, найма работников, использования топлива и сырья. Уже во второй половине XVIII в. началась регламентация устройства предприятий с ядовитыми отходами, как было сформулировано в законодательстве, причинявших «вред и беспокойство окрестному населению». По закону 1803 г. «О наблюдении начальникам городских полиций за чистотою и опрятностию в городах», принятому Александром I после его

поездок по России в 1802–1803 гг., было установлено и в 1845 г. подтверждено правило, по которому «вредные чистоте воздуха и воды» фабрики и заводы запрещалось «строить в городах и выше городов по течению рек и протоков», а разрешалось только «после выхода реки из города». В случае обнаружения таких фабрик гражданские губернаторы были обязаны сообщить об этом в Министерство внутренних дел и впредь строительство таких предприятий не дозволять.⁹

В 1826 г., уже в царствование Николая I, Министерство внутренних дел предписало гражданским губернаторам вывести из городов заведение, «смад и нечистоту производящие».¹⁰ Но, «дабы не расстроить промышленные дела», по закону «О неучреждении в С.-Петербурге заводов свечных, сальных, мыловаренных и кожевенных без особенного дозволения и определения места от военного генерал-губернатора» (1821 г.)¹¹ и по положению Комитета министров «О предоставлении Министерству внутренних дел разрешать оставление фабрик и заводов на прежних местах» (1837 г.), были сохранены существовавшие в Петербурге вышеупомянутые предприятия, а в Кинешме — кожевенный завод купца Шипова.¹² Такие решения были связаны с тем, что демонтаж и устройство предприятий на новых местах грозили их уничтожением, ибо значительные издержки при переносе были не по карману купцам.

В Москве с начала XIX в. осуществлялся надзор за промышленными предприятиями, и некоторые из них, например, свечносальные и красильные предприятия, запрещались к открытию. С новой силой вопрос о строгих мерах против загрязнения воздуха и воды промышленными отходами встал в 1840-е гг. Это было вызвано не только начавшейся промышленной революцией — применением паровых машин, механических станков, переходом на новые виды топлива (торф, уголь) — и резким ростом числа предприятий, но и назначением в мае 1848 г. военным генерал-губернатором Арсения Андреевича Закревского, известного борца с нарушениями законности и твердого блюстителя порядка. После пребывания на постах министра внутренних дел в 1828–1831 гг. и финляндского генерал-губернатора в 1823–1831 гг. он

³ Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX в. М., 1986.

⁴ Казанцев Б. Н. Источники по разработке законов о наемном промышленном труде в крепостной России (30-е — начало 60-х гг. XIX в.) // Проблемы источниковедения. М., 1963. Сб. 11. С. 80–112.

⁵ Киняпина Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е гг. XIX в.). М., 1968.

⁶ Володин А. Ю. История фабричной инспекции в России. 1882–1914 гг. М., 2009; Неклюдов Е. Г. Горная реформа в России второй половины XIX — начала XX в.: от замысла к реализации. СПб., 2018.

⁷ См.: Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1907. Т. 1. С. 94, 165, 179–184; Фирсов Н. Н. Призрак социализма пред Николаем I // Былое. 1924. № 24. С. 36–46; Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М., 1981. С. 102; Рыбаков Ю. Я. Указ. соч. С. 47–48.

⁸ См.: Давыдов А. Н. Борьба вокруг экономических последствий предпринимательской деятельности в Московском промышленном районе в начале XX в. // Вестник Российский университет дружбы народов. Серия: «История России». 2005. № 1 (5). С. 116–125; Он же. Водоснабжение и качество питьевой воды в Москве в XIX — начале XX в. // *Historia Provinciae* — Журнал региональной истории. 2018. Т. 2, № 1. С. 60–79.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗРИ-1). Т. 37. № 20881.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗРИ-2). Т. 1. № 366.

¹¹ ПСЗРИ-1. Т. 37. № 28754.

¹² ПСЗРИ-2. Т. 12. № 10688.

был отправлен в отставку из-за применения неудачных мер по борьбе с холерой. Но, как было указано в рескрипте Николая I, «по уважению настоящих событий, волнующих Европу, и стремящихся к ниспровержению законного порядка» (28 мая 1848 г.), он был вновь востребован и наделен особыми полномочиями.

Проведя 17 лет не у дел, Закревский был воодушевлен доверием к себе императора и на новой должности (занимал ее в 1848–1859 гг.) стал действовать со всем рвением. В числе первостепенных дел уже в первый месяц службы в Москве он занялся фабриками и заводами. Обилие рабочего люда в Москве как главном промышленном центре России (рабочие составляли 10–11 % населения, то есть 37 тыс. чел. из 350 тыс. чел. в 1847 г.)¹³ генерал-губернатор воспринял как дестабилизирующий фактор городской жизни. Недопустимым он счел и хаотичный спуск в московские реки промышленных отходов многочисленных частных предприятий. Закревский стремился показать себя верным исполнителем поручений Николая I, однако не всегда учитывал, что и до него многими вопросами, включая обследование московской промышленности, занимались его предшественники на посту военного генерал-губернатора — Д. В. Голицын (1820–1844 гг.) и А. Г. Щербатов (1844–1848 гг.).

По устному указанию Закревского состоящий при канцелярии генерал-губернатора коллежский асессор Саморядов провел локальную экспертизу и 25 июня 1848 г. представил записку «О застое на Москве-реке воды от устроенной плотины».¹⁴ Оказалось, что по берегам реки от плотины на Бабьем Городке¹⁵ до Большого Каменного моста имелись фабричные и красильные заведения наследников купцов Куманиных, Булычева и Кладишевых, где «промывали товар», спуская «негодную к употреблению краску», щелочь и прочие нечистоты в водоем, служивший важным источником питьевой воды (наряду с водой мытищинского водопровода) и воды для хозяйственных надобностей, включая мытье людей, готовку пищи, питье скота, полив

огородов. Саморядов писал, что из-за Бабьего-родской плотины в застоявшейся воде образовывалась тина, но горожане продолжали употреблять эту воду, что «неминуемо могло вредить их здоровью».¹⁶

Водопроводом и эксплуатацией водных путей в Москве ведала государственная инстанция под названием «IV Округ путей сообщения и публичных зданий». Из канцелярии генерал-губернатора были направлены начальнику IV Округа и обер-полицмейстеру письма с предложением обследовать берега Москвы-реки и других городских рек, для выявления вредных стоков, прежде всего промышленных.

В ответе на запрос генерал-губернатора руководивший IV Округом генерал-майор В. Р. Трофимович 8 июля 1848 г. сообщил, что «до сего времени не возбранялось промышленникам устраивать внутри столицы разные фабрики, заводы, красильные и другие мануфактурные заведения, число коих по обоим берегам Москвы-реки и Водоотводного канала, возрастая ежегодно, дошло до 93» только в пределах Камер-Коллежского вала.¹⁷ Описание фабричных стоков было весьма красноречивым: «От красильных отделяются не только вредные, но часто ядовитые составы, от других вода насыщается несносными для вкуса и обоняния, и также злокачественными для здоровья».¹⁸ Особенно заражали воду нечистоты с кожевенных заводов. Однако Трофимович утверждал, что Бабьего-родская плотина, напротив, не давала застаиваться воде, накапливая дождевые воды, что «освежало воду, приводя ее при частых спусках в скорейшее против обыкновенного движение». Причинами порчи воды генерал-майор счел стоки кожевенных, красильных предприятий и прочих мануфактурных заведений, спуск нечистот из обывательских домов, сваливание жителями сора в реку. Он видел решение проблемы в выполнении фабрикантами и жителями положений ст. 316, 317 и 321 Строительного устава (по изд. 1842 г.), а в случае нарушения — в применении строгих мер в соответствии со ст. 1053, 1057, 1323 и 1324 «Уложения о наказаниях» (1845 г.), предусматривавших даже уничтожение таких заведений «за счет виновного» с уплатой штрафа от 50 до 100 руб.¹⁹ Трофимович также предложил Закревскому во избежание дальнейшего

¹³ См.: Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 год. М., 1848. С. 73.

¹⁴ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы). Ф. 16. Оп. 15. Д. 1473. Л. 1.

¹⁵ Бабьего-родская плотина длиной 100 м и шириной 7 м была устроена в 1836 г. на Водоотводном канале Москвы-реки (длина — 4 км, ширина — 30–50 м) для поддержания судоходных глубин от 3 до 6 м в пределах города и предотвращения затопления берегов во время половодий. Осенью плотина (просуществовала до 1937 г.) разбиралась, чтобы ее не поломало льдом, а после весеннего паводка вновь монтировалась.

¹⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 15. Д. 1473. Л. 10б.

¹⁷ Вал окружал город и служил границей городского центра; позже он был срыт для устройства Садового кольца.

¹⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 15. Д. 1473. Л. 6об. — 7.

¹⁹ ПСЗРИ-2. Т. 20. № 19283. Ст. 1053.

загрязнения речной воды в столице распорядиться «к прекращению промывания крашенных материй в черте города», «к запрещению навсегда спуска вредных жидкостей из заводов, фабрик и домов» и о переносе красильных и кожевенных заведений за Камер-Коллежский вал «вниз по течению».²⁰

Начальник IV Округа также напомнил генерал-губернатору, что еще князем А. Г. Щербатовым была создана «Комиссия об устранении причин засорения р. Москвы и Яузы» (также в документах она фигурировала под названиями «Комиссия для осмотра всех береговых земель и устроенных на них фабрик и других заведений» и «Комиссия об уничтожении причин порчи воды рек Москвы и Яузы») под председательством обер-полицмейстера И. Д. Лужина в составе «опытного и в совершенстве знающего гидравлику» инженер-полковника П. В. Максимова, чиновника канцелярии генерал-губернатора В. Т. Любенкова и градского головы купца С. Л. Лепешкина.

К документу прилагались две ведомости о стоках «вредных жидкостей» в Москву-реку и в Водоотводный (он же Обводный) канал. Они показывали, что по берегам реки в пределах городской черты имелось 111 стоков (92 фабричных стока, 12 — из бань, и семь «ретирадных», из «отхожих мест»). Большинство фабричных стоков (85) было устроено в виде деревянных желобов, по которым использованная в производстве вода и прочие «жидкие нечистоты» — от окраски и промывки хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканей, а также от вымачивания и промывки кож — спускались прямо в водоемы. Имелся один сток «каменный в реку» (из красильного заведения «бумаги и шерсти» купца Т. Прохорова в Яузской части). Особый вред наносили шесть красильных заведений, сливавших отходы «по берегу реки без трубы».²¹

Узнав о комиссии, Закревский 4 июля 1848 г. распорядился доставить ему сведения о ее действиях и через десять дней получил от Лужина ответ, что комиссия, существовавшая с 26 августа 1846 г., в 1847 г. обследовала береговые земли под руководством московских полицмейстеров трех отделений (17 городских частей разделялись для надзора между тремя отделениями полиции). Но осмотр фабрик, который полиция совмещала со своими основными

функциями, продвигался медленно, а осенью 1847 г. его пришлось вынужденно прервать из-за начавшейся эпидемии холеры.²²

В октябре 1848 г. Лужин передал все материалы комиссии князю П. Н. Трубецкому, назначенному Закревским ее новым председателем. В течение октября–ноября 1848 г. (до замерзания рек) сотрудники комиссии и низшие полицейские чины собирали сведения о стоках в Москву-реку, Яузу и мелкие речки по всей городской территории. Были проинспектированы Кремлевские дворцы, Воспитательный дом, Гостиный двор и особое внимание было обращено на фабричные промышленные стоки, содержавшие ядовитые вещества. Составленные по результатам работы сводные ведомости (по 17 городским частям) в графе «Наименование стоков и заведений» содержали сведения о заведениях (жилое, торговое, промышленное и проч.) и их владельцах, в графе «Замечания комиссии» — об имевшихся стоках (бочки, резервуары в виде ям, каменные и чугунные трубы, подземные или надземные, деревянные желоба и т. д.), в графе «Мнение комиссии» — предложения по устранению вредных последствий скопления нечистот и спуска их в городские водоемы.

Так, о располагавшейся в Пятницкой части суконной фабрике купца Николая Осипова (в 1847 г. там имелись паровая машина и 66 «механизмов», производились «дешевые сукна для низшего класса» на 600 тыс. руб. серебром)²³ сообщалось: «Заведение сие можно причислить к одному из огромнейших в городе, в нем производится рассортировка и промывание шерсти, прядение ее, тkanie и окрашивание сукна. При таком значительном производстве остающаяся негодная шерсть, срезка ее с выделанного сукна и кучи сандала, разбросанные в разных местах, представляют двор весьма нечистым; сверх сего все после окрашивания и промывки шерсти нечистоты сопровождаются в колодезь, из него проложена деревянная труба в Обводный канал. Окрашенная изливающаяся по ней жидкость по огромному производству сей фабрики сильным ручьем впадает в канал и окрашивает синевато-черным цветом воду в нем на значительном пространстве, сопровождая довольно вредные красильные составы».²⁴ Комиссия предписала: «Обязать владельца содержать двор а) в большей чистоте и сорные

²⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 15. Д. 1473. Л. 7–8.

²¹ Там же. Л. 12–13.

²² См.: Там же. Д. 6. Л. 22–23.

²³ См.: Тарасов С. Указ. соч. С. 13.

²⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 15. Д. 1473. Л. 490б.–50.

частицы отбросов шерсти и сандала собирать в особые места и вывозить на полезное употребление, б) вместо колодца устроить два или три фильтра на той канаве, которая сопровождает нечистую воду, так что последний изливает бы ее в Обводный канал очищенной и, следовательно, безвредною».²⁵ Вредные стоки имелись и у кожевенного завода купца Василия Бахрушина. «От окраски сафьянов, что производится различными красками, растворенными настоям железных опилок, разлагаемых крепкою водкою (азотной кислотой — Г. У.), — было записано в ведомости, — истекает нечистота в Обводный канал». Сообщение о ситцевом заведении мясника Пухова в Серпуховской части было лаконичным: «Из отдельной и красильни зловонный исток в Обводный канал».²⁶

Десяткам предприятий рекомендовалось «для очищения их грязных и вредных истоков» оборудовать на сточных канавах «довольно обширные и глубокие ямы, обделанные обрубками, каковые у них большею частию и имеются, но ямы сии должны вмещать фильтрующие материалы, то есть слои древесного угля, гравья и песку — сквозь эти материалы жидкости, просачиваясь, будут давать воду очищенную и безвредную».²⁷ В ведомости указывалось, что на некоторых предприятиях уже имелись ямы для слива отходов: жидкость уходила через песок, а остатки, по свидетельству полиции, вывозились на окраинные свалки. Вопросом устройства эффективных фильтров занимался в управлении IV Округа инженер-полковник Максимов, представивший в канцелярию генерал-губернатора проект, по которому предлагалось делать в устьях подземных канав (соединяющих частные владения и фабрики с Москвой-рекой) при впадении в реку цистерны с фильтрами для задержки мусора и твердых отходов.²⁸

Получив отчеты комиссии, А. А. Закревский вознамерился принять свойственные ему решительные меры по устранению замеченных беспорядков, для чего потребовалось согласие членов Комитета министров. В письме министру финансов Ф. П. Вронченко от 22 октября 1848 г. он сообщал, что «лично удостоверился, что фабричные заведения в самой Москве не столько служат к улучшению столицы, сколько ко вреду ее», и предложил закрыть многие предприятия или вывести их из Москвы на рас-

стояние 40, 60 и даже 100 верст. Причинами этого генерал-губернатор назвал опасность пожаров «из-за употребления сильного огня или легковоспламеняющихся материалов», загрязнение речной воды «спуском нечистот, красильных остатков и смрадных веществ», удорожание дров и «съестных припасов» вследствие значительного количества фабричных рабочих (до 45 тыс. чел.) и «порчу нравственности» рабочих, которые «впадают в дурное поведение и весьма склонны к буйствам и преступлениям».²⁹ Он ссылаясь на законы о запрете в столицах предприятий «с великим количеством рук» и просил министра отклонять заявления об открытии новых предприятий.

Ответ Вронченко, датированный 5 ноября, был уклончивым и построенным на казуистических формулировках. Министр финансов сообщал, что вопрос о размещении в Москве фабрик уже обсуждался им с бывшим московским военным генерал-губернатором А. Г. Щербатовым. Вронченко сослался на журнал Комитета министров за октябрь 1840 г. по вопросу «об умножении фабрик» в столице, где было постановлено, «не стесняя учреждения в Москве и ее уезде фабричных заведений никакими ограничениями, давать облегчения и льготы только тем учредителям предприятий, кои устраивают фабрики вне пределов Московского уезда, в Москве же льгот не давать». Он также напомнил, что еще законом 1805 г. (на нем была основана ст. 39 XI тома Свода законов) запрещалось устраивать в Москве заведения с «великим числом рук», а объем употребляемых дров ограничивался 100 куб. саженьями. Подводя итог, Вронченко подчеркнул, что законом определено не стеснять устройство фабрик в Москве, и если Закревский хочет постановление 1840 г. отменить, то ему следует «испросить на то Высочайшее разрешение».³⁰

Вследствие фактического отказа министра брать на себя ответственность, 12 декабря 1848 г. Закревский направил Николаю I всеподданнейший доклад «О недозволении вновь учреждать в Москве фабрики и заводы и о наблюдении за нравственностью рабочих». «Прибыв в Москву, — делился своими впечатлениями генерал-губернатор, — я собственным опытом убедился, что существующие здесь фабричные заведения служат только ко вреду столицы и его жителей. Многие из сказанных заведений

²⁵ Там же. Л. 50.

²⁶ Там же. Л. 73.

²⁷ Там же. Л. 57.

²⁸ См.: Там же. Д. 6. Л. 114.

²⁹ Там же. Оп. 24. Д. 1477. Л. 1–2.

³⁰ Там же. Л. 3–4.

при постоянном употреблении огня или легковоспламеняющихся материалов представляют большую опасность в случае пожара, а некоторые, будучи расположены при истоках и реках, спуском нечистот и смрадных веществ портят воду, недостаток коей здесь весьма ощутителен». Он повторил свои аргументы, ранее высказанные в письме к Вронченко, что из-за роста количества фабрик и рабочих «возвышаются цены на дрова и необходимые жизненные потребности», а «недостаточный надзор за рабочими, а также близость и доступность предметов, служащих удовлетворению порочным страстям, способствует порче нравственности фабричного класса».³¹ Закревский подробно изложил итоги своей переписки с Вронченко, а через несколько дней уведомил последнего о своем обращении к царю.

Министр финансов Вронченко 26 марта 1849 г. известил Закревского, что докладная записка внесена на рассмотрение в Комитет министров, откуда была передана ему и министру внутренних дел Л. А. Перовскому для заключений по указанному вопросу.³² Приложенное мнение Перовского не содержало поддержки идей Закревского. Как и Вронченко, он сослался на решение Комитета министров 1840 г. о «нестеснении» учреждения в Москве и ее уезде фабрик и высказался дипломатично: «Причины, на коих основано настоящее ходатайство графа Арсения Андреевича, я признаю заслуживающими полного внимания, но опасность только <заключается в том>, чтобы решительное постановление о воспрещении открывать новые фабрики в Москве не произвело некоторого стеснения для промышленности».³³

Компромиссное заключение самого Вронченко было получено 5 апреля 1849 г. В нем отмечалось, что «фабричная промышленность нигде не в состоянии так процветать, как в столицах и больших городах, ибо эта промышленность требует содействия пресыщенных людей, художников, взаимного совещания с людьми опытными и проч.».³⁴ Вследствие этого министр финансов однозначно высказался против «безусловного запрещения» учреждать в Москве и уезде «все без изъятия фабрики», что «имело бы неминуемым последствием застой и неподвижность тех важнейших областей мануфактурной производительности, которых успех

зависит именно от взаимного вспомоществования, возможного токмо соединением оных в одном месте».³⁵ Вместе с тем он согласился, что не следует вновь учреждать в столице шерстопрядильни, бумагопрядильни, чугунолитейные, стеариновые, сальные, лаковарные и химические заводы из-за их повышенной пожарной опасности; открытие же фабрик ткацких и набивных полагал возможным разрешить. Министр считал, что «устранение смрада и порчи воды», происходящих от фабричных заведений, может быть достигнуто строгим надзором и устройством очистительных колодцев (как это уже было сделано в Петербурге) и предложил создать в Москве особый комитет для надзора за заводами и фабриками.³⁶

Ответное письмо Закревского к Вронченко отразило смягчение позиции генерал-губернатора, который, согласившись со многими доводами министра, сообщил, что он «не домогался уничтожения или же насильственного уменьшения» уже существующих предприятий, но «пытался положить преграду» учреждению новых заведений в Москве. При этом он считал возможным устраивать заведения «образцовые и существенно полезные» и не требующие «значительного числа рабочих рук».³⁷ «Я, — настаивал он в очередной раз, — ...почитаю многолюдные и в одном месте сосредоточенные фабрики рассадниками порчи нравственности народной».³⁸

Длившиеся несколько месяцев дебаты А. А. Закревского с двумя министрами завершились в пользу строгого регулирования фабричной промышленности в Москве, но с учетом специфики предприятий. Успех был достигнут вследствие «Высочайшего одобрения» всеподданнейшего доклада генерал-губернатора, что выразилось в резолюции Николая I: «Весьма важно, сообразить в Комитете министров».³⁹ Инициированное Закревским положение Комитета министров «О ограничении числа фабрик и заводов, вновь учреждаемых в Москве и уезде ее» было утверждено 28 июня 1849 г.⁴⁰ Его опубликовали для всеобщего сведения в виде сенатского указа 26 августа того же года, после чего содержание закона было доведено московским обер-полицмейстером до московских фабрикантов.

³⁵ Там же. Л. 26.

³⁶ См.: Там же. Л. 27.

³⁷ Там же. Л. 36.

³⁸ Там же. Л. 43.

³⁹ Цит. по: Туган-Барановский М. И. Указ. соч. С. 179.

⁴⁰ См.: ПСЗРИ-2. Т. 24. № 23358.

³¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 24. Д. 1477. Л. 5–50б.

³² См.: Там же. Л. 17.

³³ Там же. Л. 180б.

³⁴ Там же. Л. 25.

В преамбуле указа почти дословно повторялись аргументы генерал-губернатора о том, что «многие из фабричных заведений в Москве при употреблении сильного огня или легко воспламеняющихся материалов угрожают большой опасностью в случае пожара, а некоторые, будучи расположены на истоках и реках, спуском нечистот и смрадных веществ портят воду, и что вообще заведения сии, употребляя значительное количество рабочих и расходуя большое количество топлива, способствуют повышению цен на съестные припасы и дрова». Вследствие этого запрещалось «учреждение вновь в Москве и уезде ее бумагопрядилен, шерстопрядилен, чугунолитейных, стеариновых, сальных, лаковарных и вообще таких заводов, которые производят горючие химические продукты», допускалось «учреждение фабрик ткацких, набивных, аппретурных, красильных и тому подобных», но только с разрешения московского генерал-губернатора по соглашению с министром финансов. «Увеличение или уменьшение числа рабочих, станов и машин» на уже существовавших фабриках и заводах предоставлялось «собственному усмотрению владельцев»; хозяева предприятий были обязаны каждые полгода подавать генерал-губернатору «ведомости о числе рабочих, станов и машин».

По новому закону создавался Комитет для надзора за фабриками и заводами в Москве и ее уезде из шести человек под руководством генерал-губернатора, призванный следить, чтобы фабриканты соблюдали противопожарные меры, предприятия «не производили смрада и порчи воды» и «рабочие не были стеснены в размещении». В комитет вошли два члена Московского отделения Мануфактурного совета (один по назначению министра финансов и один механик), депутат от Городской думы, один из высших полицейских чиновников по назначению генерал-губернатора, штатт-физик (руководитель городской медицинской службы с санитарно-полицейскими функциями) и один из инженерных штаб-офицеров IV Округа путей сообщения и публичных зданий. По предложению Закревского в апреле 1850 г. комитет обратился к Московскому купеческому обществу, чтобы оно дополнительно избрало «в помощь комитету» «до 14 лиц добросовестных первенствующих московских фабрикантов», на которых возлагался бы «надзор за фабриками» в каждой из административно-полицейских частей города.⁴¹

В соответствии с согласованной с министром финансов инструкцией, предполагалось, что раз в год все предприятия столицы будут осматриваться. В случае необходимости комитет мог назначить одного из своих сотрудников и «для внезапного осмотра какой-либо фабрики или завода».⁴² «В непререкаемую обязанность» комитету вменялось следить за соблюдением правильного устройства стоков «для предупреждения смрада и порчи воды». Запрещались «прямые стоки нечистот» в реку, для чего следовало устраивать на протяжении стока, «в зависимости от количества и качества жидкостей», отстойные ямы в числе одной, двух и более. На конце каждого стока надлежало ставить «особые очистительные фильтры». Вводился также запрет на «промывальные плоты» на реках, вместо которых следовало устраивать на территории фабрик особые «промывальные снаряды». При этом Ф. П. Вронченко настоял на включении в инструкцию условия о том, что комитет наблюдает, «не вмешиваясь во внутренние дела фабрик», что отразило позицию Министерства финансов, заинтересованного в развитии промышленности.⁴³

О том, что введенные запреты оказались недостаточно действенными, свидетельствует сопоставление списков фабрик и заводов Москвы за 1843 и 1853 гг., где содержатся сведения о шерстопрядильнях, которые вызывали особое раздражение А. А. Закревского.

К примеру, в 1843 г. числилось девять шерстопрядилен — восемь в городе и одна в уезде. Из них только фабрика купца Петра Золотарева находилась в центре города (в Калошином переулке Пречистенской части, в «доме жены»; там имелось 28 машин и работал 41 чел.), остальные размещались на окраинах: на Пресне, в Красном Селе, Серпуховской и Мещанской частях. В 1853 г. в Москве и уезде числилось восемь шерстопрядилен — пять в городе и три в уезде, причем фабрика П. Золотарева близ Пречистенки все так же действовала. В Московском уезде, несмотря на запрет создания новых шерстопрядилен, к 1853 г. появились еще две относительно крупные фабрики: одна, в селе Чихово, принадлежала купцу второй гильдии Василию Вишнякову (107 машин, паровой и водный приводы, 330 рабочих; производила в год пряжи на 196 тыс. руб.), другая, в селе Тимково, принадлежала статской советнице Варваре Топорковой (31 машина, 68 рабочих, на

⁴¹ Материалы для истории московского купечества. Общественные приговоры. М., 1895. Т. 5. С. 265.

⁴² ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 24. Д. 3112. Л. 12.

⁴³ Там же. Л. 120б.

40 тыс. руб.).⁴⁴ За десятилетие пять крупных городских фабрик окрепли (увеличилось число рабочих и машин), а исчезли только три небольшие купеческие предприятия. Всего же число рабочих отрасли с 1843 по 1853 гг. возросло с 398 до 866 чел. (в пределах городской территории — с 245 до 302 чел.), число машин — с 294 до 462 (в городе — с 214 до 224). Стоимость продукции за десятилетие возросла с 275 205 до 374 648 руб.⁴⁵ Таким образом, введение закона от 28 июня 1849 г. мало повлияло на количественные показатели развития вредной для экологии (вследствие необходимости замасливания и промывки шерсти) шерстопрядильной отрасли.

Растянулось во времени выполнение предусмотренных законом мер по уменьшению загрязненных стоков в московские реки. Это касалось устройства отстойных ям на территории фабрик (с дальнейшим выводом очищенной после фильтрации сточной воды), что нельзя было сделать моментально, и ликвидации промывальных плотов, на которых прямо на реке готовые ткани и кожи промывались от масла, краски, дубильных веществ и химикалиев. В мае 1850 г. фабрикантам был объявлен срок ликвидации «промывальных плотов» до 1 июня 1851 г. Это вызвало конфликт между генерал-губернатором и предпринимателями. Согласно одной из легенд, Закревский кричал на встрече с фабрикантами, пытавшимися отстоять «промывальные плоты»: «Что же вы хотите, чтоб вам позволили морить народ? Я не позволю».⁴⁶ Однако через год от имени самого генерал-губернатора было объявлено, что поскольку Комитетом для надзора за фабриками и заводами в Москве еще не окончены «опы-

ты над фильтрами», то можно продолжать использовать «плоты для промывки и споласкивания окрашенных всякого рода тканей, равно шелка, шерсти и тому подобного» до особой публикации.⁴⁷

В контексте приведенных выше сведений о подготовке закона от 28 июня 1849 г. конфликт Закревского с фабрикантами нельзя рассматривать односторонне. В вопросе о санитарных ограничениях для фабрик ни генерал-губернатор не был безусловным злодеем-реакционером, ни фабриканты, спускавшие в реку ядовитые отходы производства, не предстают исключительно гонимыми жертвами бюрократического произвола. При обсуждении, принятии и реализации этого закона отчетливо проявилась категоричность А. А. Закревского, первоначально пытавшегося авторитарными методами решать проблемы развития частного предпринимательства в Москве. Однако после согласований с министрами Ф. П. Вронченко и Л. А. Перовским он все-таки смягчил свою позицию и пошел на компромиссы. Непонимание между акторами конфликтной ситуации во многом объяснялось тем, что на начальном этапе промышленной революции отсутствовали регулирующие инстанции, и многое приходилось начинать с нуля, к тому же взгляды чиновников различных ведомств на перспективы развития промышленного производства в городах не совпадали. Однако в исторической перспективе принятие инициированного московским генерал-губернатором закона имело положительные последствия. Как фабриканты, так и чиновники стали больше внимания обращать на вопросы санитарной и экологической безопасности.

Galina N. Ulianova

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: galina.ulianova@gmail.com

“AGAINST THE STENCH, STINK AND AIR POLLUTION”: THE GOVERNMENT ENVIRONMENTAL POLICY TOWARDS MOSCOW’S INDUSTRY, 1840s – 1850s

In the history of Russian industry, the decades of the 1840s and 1850s are considered as the initial stage of the Industrial Revolution. In this epoch, Moscow held a leading position in terms of the number of enterprises and the volume of production. During this period, the issue of regulating sanitary issues and reducing the negative impact of industrial activity, particularly the pollution of rivers by industrial wastewater, becomes a priority. The article examines the history of the Act adopted on June 28, 1849, and titled “On limits on the number of factories and plants newly established in Moscow and its district”. The debates on the draft law revealed different approaches shared by the Governor General of Moscow A. Zakrevsky, Minister of Finance F. Vronchenko and Minister of Interior Affairs

⁴⁴ См.: Тарасов С. Указ. соч. С. 1, 2.

⁴⁵ Подсчитано по: Самойлов Л. Указ. соч.; Тарасов С. Указ. соч.

⁴⁶ Найденов Н. А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903. Т. 1. С. 95, 96.

⁴⁷ Коммерческая газета. 1851. 8 мая. № 53. С. 24

L. Perovski, which were reflected in their correspondence. The discussion revealed the contradiction between the desire to develop industrial entrepreneurship, which was insisted on by both ministers, especially the Minister of Finance responsible for the economy, and the need to improve the environmental situation in the capital, which was advocated by the Governor General. The study demonstrated that Zakrevsky's initial tough position softened after communication with the ministers and the law already included compromise provisions. For this research, it was possible to discover and use new archival materials on industrial wastewater in the form of reports for all 17 urban areas of Moscow. This information provided understanding of environmental situation in the capital, as it contains data on factories and plants polluted the air and water with their waste, the cleaning facilities of these enterprises and the behavior of manufacturers when modernizing their equipment in accordance with new sanitary requirements.

Keywords: *Imperial Russia, 19th century, entrepreneurship, merchants, industry, industrialization, river pollution, industrial wastewater*

REFERENCES

- Davydov A. N. [The Struggle over Environmental Impact of Business Activities in Moscow Industrial Region at the Beginning of the 20th Century]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2005, no. 1 (5), pp. 116–125. (in Russ.).
- Davydov A. N. [Water Supply and Quality of Drinking Water in Moscow in the 19th — Early 20th Century]. *Historia Provinciae — Zhurnal regional'noy istorii* [Historia Provinciae — The Journal of Regional History], 2018, vol. 2, no. 1, pp. 60–79. (in Russ.).
- Eroshkin N. P. *Krepostnicheskoye samoderzhaviye i yego politicheskiye instituty (pervaya polovina XIX v.)* [Serfdom Autocracy and its Political Institutions (First Half of the 19th Century)]. Moscow: Mysl' Publ., 1981. (in Russ.).
- Firsov N. N. [The Ghost of Socialism before Nicholas I]. *Byloye* [Byloye], 1924, no. 24, pp. 36–46. (in Russ.).
- Kazantsev B. N. [Sources on the Development of Laws on Hired Industrial Labor in Serf Russia (1830s — Early 1860s)]. *Problemy istochnikovedeniya* [Problems of Source Studies]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1963, vol. 11, pp. 80–112. (in Russ.).
- Kinyapina N. S. *Politika russkogo samoderzhaviya v oblasti promyshlennosti. (20–50-ye gg. XIX v.)* [Policy of the Russian Autocracy on Industry. (20–50s of the 19th Century)]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta Publ., 1968. (in Russ.).
- Neklyudov E. G. *Gornaya reforma v Rossii vtoroy poloviny XIX — nachala XX v.: ot zamysla k realizatsii* [Mining Reform in Russia of the Second Half of the 19th — Early 20th Century: From Conception to Implementation]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2018. (in Russ.).
- Rybakov Yu. Ya. *Promyshlennoye zakonodatel'stvo Rossii pervoy poloviny XIX v.* [Russia's Industrial Legislation in the First Half of the 19th Century]. Moscow: Nauka Publ., 1986. (in Russ.).
- Volodin A. Yu. *Istoriya fabrichnoy inspektsii v Rossii. 1882–1914 gg.* [The History of Factory Inspection in Russia. 1882–1914]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. (in Russ.).

Для цитирования: Ульянова Г. Н. «Против смрада, зловония и порчи воды»: экологический аспект правительственной политики в отношении промышленности Москвы в 1840–1850-е гг. // Уральский исторический вестник. 2025. № 3 (88). С. 17–25. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-17-25.

For citation: Ulianova G. N. "Against the Stench, Stink and Air Pollution": The Government Environmental Policy towards Moscow's Industry, 1840s–1850s // Ural Historical Journal, 2025, no. 3 (88), pp. 17–25. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-17-25.